

Первопроходец

**Экономист, посвятивший свою жизнь изучению
влияния налогов
и социального страхования**

*Пракаш Лунгани рассказывает о профессоре
Мартине Фелдстайне*

МАРТИН ФЕЛДСТАЙН закончил Гарвардский колледж со степенью бакалавра в 1961 году и был принят на медицинский факультет Гарвардского университета. Но, стремясь посмотреть мир, он отправился вместо этого в Оксфордский университет и попросил медицинский факультет отложить его прием на год. Затем он еще дважды просил об отсрочке, пока не решил, что вообще не будет учиться на медицинском факультете: «Мне потребовалось три года, чтобы набраться смелости, — говорит Фелдстайн, — но в конце концов пришло сказаться им, что я собираюсь стать экономистом».

Хороший выбор. Неизвестно, какой вклад внес бы Фелдстайн в медицину, если бы он пошел этим путем, но его вклад во многие области экономики оказался весьма значительным.

Фелдстайн провел в общей сложности шесть лет в Оксфорде, где ему нравилось «чувствовать, что ты находишься на переднем крае экономических исследований применимые данные и методы, которыми никто раньше не пользовался». Но он признает, что Оксфорд, возможно, привлекал его не только экономикой. «Я и женился в Англии, на американке.» Его жена Кэтлин впоследствии получила степень доктора наук по экономике в Массачусетском технологическом институте. «Она получила эту степень в порядке самообороны, — говорит с улыбкой Фелдстайн. — Постоянно слушая разговоры на профессиональные темы, она решила и сама вооружиться». Когда эта пара не занята совместной научной работой, она работает вместе над обзорными статьями для газеты *“Boston Globe”*.

Некоторые из научных трудов Фелдстайна, написанных им во время пребывания в Оксфорде, способствовали появлению новой области — экономики здравоохранения. В его докторской диссертации рассмотрены методы снижения расходов больниц в государственной системе здравоохранения. Акцент на эффективности предоставления услуг здравоохранения резко противоречил духу того времени, выраженному достопамятной фразой в пользующейся большим авторитетом книге Арчи Кокрана: «Все эффективное медицинское обслуживание должно быть бесплатным для всех», — но он в настоящее время отражает мнение большинства.

Некоторые другие работы Фелдстайна, написанные им в Оксфорде, дают основание для того, чтобы считать его еще более выдающимся экономистом — это его многочисленные труды в области государственных финансов и макроэкономики. Здесь Фелдстайн совершил переворот

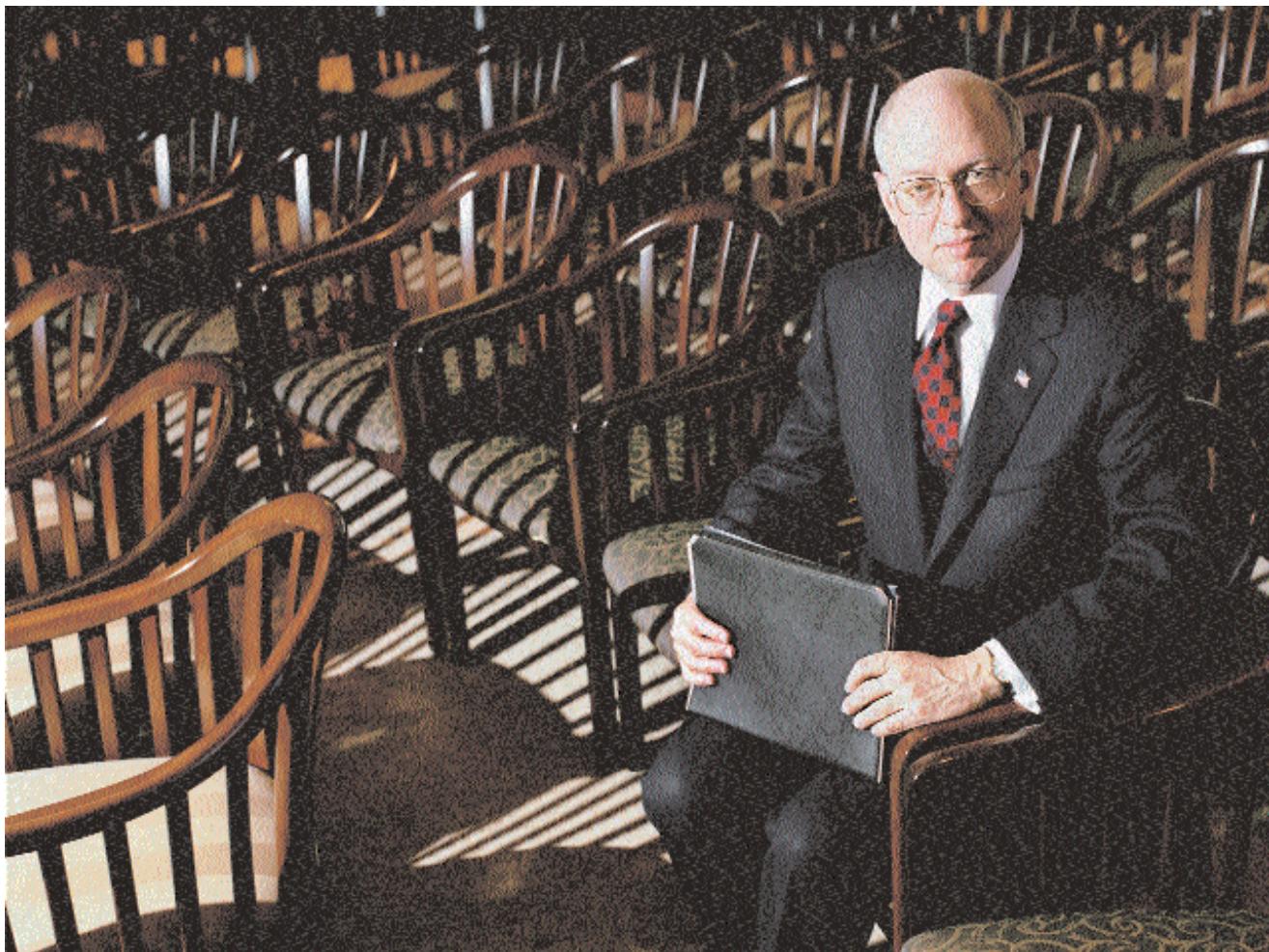
в понимании воздействия программ социального страхования, таких как социальное обеспечение и страхование на случай безработицы, и возродил исследование эффектов налогообложения. Обобщая влияние трудов Фелдстайна, Джонатан Грабер, экономист МТИ и должностное лицо Казначейства в администрации Клинтона, сказал газете *“New York Times”* совсем просто: «Марти показал, что налоги имеют значение».

К 1968 году интеллектуальные достижения Фелдстайна принесли ему постоянную должность профессора экономического факультета Гарвардского университета в возрасте 29 лет, а в 1977 году он удостоился премии Джона Бейтса Кларка, присуждаемой экономистам не старше 40 лет, которые внесли наибольшую значительный вклад в эту научную дисциплину. В том же году он стал президентом Национального бюро экономических исследований (НБЭИ), аналитического центра по экономике, базирующегося в Кембридже, Массачусетс, который расцвел под его руководством. Специалист по истории экономики в Университете Ратгерс Майкл Бордо сказал редакции *«Финансов & развития»*: «Марти превратил НБЭИ в организацию высочайшего профессионального уровня, способную управлять эмпирическими исследованиями, не мешая им. Ему это так хорошо удалось, что люди недооценивают необходимые для этого навыки.»

За исключением двухлетнего пребывания в Вашингтоне в 1980-х годах в качестве председателя Совета экономических консультантов США (СЭК), Фелдстайн постоянно работает в Кембридже, распределяя свое время между Гарвардом и НБЭИ. В «Бюро», как обычно экономисты называют между собой НБЭИ, кабинет Фелдстайна слишком забит книгами и бумагами, чтобы служить гостеприимной обстановкой для интервью, поэтому он проводит посетителей в небольшой соседний конференц-зал, стены которого увешаны политическими карикатурами тех времен, когда он был председателем СЭК.

Утки сдвинутся с места

Экономисты нередко затрудняются с ответом, когда их просят рассказать на языке неспециалистов о своем удостоенном награды вкладе в науку. Но не Фелдстайн. Он говорит, что суть большей части его трудов отражена в словах, сказанных однажды покойным сенатором США Расселлом Лонгом. В 1978 году Фелдстайн давал показания Финансовому комитету Сената США о своих вызывавших полемику взглядах, согласно которым снижение ставки налога на прирост капитала позволит *увеличить доходы*

от этого налога. Фелдстайн объяснил, что благодаря снижению налоговой ставки инвесторы будут больше заинтересованы продавать активы и реализовывать прибыль от прироста капитала. Более того, в его новой статистической работе («чернила не успели просохнуть в моем докладе НБЭИ, в котором излагаются эти выводы») была высказана точка зрения о том, что масштабы продаж будут такими большими, что доходы от этого налога возрастут, несмотря на снижение налоговой ставки.

Сенаторы были озадачены. Экономисты — штатные сотрудники Казначейства США и Конгресса говорили им совершенно противоположное: снижение налога на прирост капитала приведет к снижению доходов. Фелдстайн объяснил сенаторам, что сотрудники конгресса придерживались более традиционной точки зрения, согласно которой изменение налога не должно приводить к изменению поведения инвесторов: при снижении налога на одну треть налоговые доходы тоже снизятся на одну треть. Традиционная точка зрения показалась бессмысленной сенатору Лонгу. Фелдстайн, имитируя протяжное произношение жителя юга США, повторяет то, что сказал затем сенатор Лонг: «Профессор Фелдстайн, на моей родине в Луизиане, когда мы стреляем по утке, мы ожидаем, что она свинется с места».

Фелдстайн был очень доволен. Он не смог бы объяснить недостатки традиционной точки зрения лучше, чем это сделал сенатор Лонг. В рассматриваемом случае налог на прирост капитала был понижен в 1978 году, и вывод Фелдстайна об активной реакции инвесторов подтвердился. В настоящее время процедуры, применяемые сотрудниками Казначейства США и Объединенного налогового комитета, учитывают вероятную реакцию поведения инвесторов при оценке последствий изменения налогов на прирост капитала для доходов.

Для Фелдстайна эта история служит иллюстрацией концепции, красной нитью проходящей через большую часть его

научной работы: «Люди реагируют на стимулы». При изменении экономической политики — например, налогов или программ социального страхования — меняются стимулы для людей, и они изменяют свое поведение. Люди не станут сидеть неподвижно, «как утки на мишени, когда меняется экономическая политика. Необходимо учитывать высокую вероятность того, что, как выразился сенатор Лонг, утка сдвигнется с места».

Облегченный вариант экономической теории стимулирования производства

Хотя наибольшее внимание в политических кругах привлекла работа Фелдстайна над налогом на прирост капитала, немногие налоги остались за пределами подробных исследований, которые он проводил в 1970-х годах и начале 1980-х годов. Он проиллюстрировал эффект перемещения в другую налоговую категорию — явление, посредством которого инфляция взаимодействует с неиндексированной налоговой системой, «выталкивая» лиц со средними доходами в группы доходов, подлежащие налогообложению по значительно более высоким ставкам. По его расчетам, в период между 1965 и 1980 годами предельная налоговая ставка для семьи со средними доходами удвоилась, значительно превысив 40 процентов. Фелдстайн показал, что инфляция также вызвала резкое повышение эффективных ставок налогов на инвестиционные доходы физических лиц. Изложенные в доступной форме в обзорных статьях газеты *«Wall Street Journal»* и других изданиях, работы Фелдстайна в 1970-х годах способствовали все большему осознанию того, что высокие налоги были, как он однажды выразился, «несправедливыми, необоснованными и ненужными».

Фелдстайн показал, каким образом программы социального страхования могут также оказывать негативное влияние на стимулы. Он высказал предположение о том, что система со-

циального обеспечения вытеснила частные сбережения домашних хозяйств. К большому сожалению Фелдстайна, ошибка программирования в одной из его работ нарушила убедительность некоторых из его аргументов: «Эта ошибка вызывает у меня неловкость», — откровенно признал он в *“Journal of Political Economy”*, опубликовавшем результаты первоначального исследования. Но это не ослабило его стремления продолжать работать над проблемой отрицательных стимулов, порождаемых системой социального обеспечения, и активно добиваться ее реформирования, в том числе путем изменения этой системы за счет включения в нее частных инвестиционных счетов.

В исследовании, проведенном по поручению Объединенного экономического комитета Конгресса США, Фелдстайн продемонстрировал, каким образом программа страхования на случай безработицы выступала в качестве отрицательного стимула к труду и, таким образом, поддерживала высокий уровень безработицы. «Экономисты неправильно оценивали степень, в которой программа страхования на случай безработицы могла подавлять стимулы к работе, — сказал Фелдстайн редакции *«Финансов & развития»*. — Они говорили мне, что эта программа не может быть значительным фактором, поскольку пособия по безработице составляли лишь примерно 20 процентов средней заработной платы. Но я возражал, что необходимо изучать воздействие этой программы на людей, стоящих перед выбором: устроиться на работу или оставаться безработными». Например, для тех, кто не был основным кормильцем в своей семье, размер пособия по безработице зачастую достигал 70 или 80 процентов от суммы, которую они могли бы заработать, за вычетом налогов. Для таких работников, утверждал Фелдстайн, предоставление страхования на случай безработицы могло продлевать время, которое они оставались безработными, что повышало уровень безработицы.

Утверждение Фелдстайна подтвердилось, и особенно наглядно — в исследовании, проведенном в 1979 году Кимом Кларком, ныне деканом Гарвардской школы бизнеса, и Ларри Сammerсом, бывшим Министром финансов США и нынешним президентом Гарвардского университета. По их оценкам того времени, «если бы страхование на случай безработицы было отменено, уровень безработицы снизился бы более чем на половину процентного пункта, то есть число безработных уменьшилось бы на 600 тыс. с лишним человек». Фелдстайн спешит подчеркнуть, что из исследования Кларка и Сammerса *отнюдь не* следует, что программу страхования на случай безработицы необходимо отменить. «Идея состоит в том, что предоставление защиты за счет программ социального страхования приводит также к искажению стимулов. Программы страхования следует, по мере возможности, разрабатывать таким образом, чтобы минимизировать искажения».

Аргументы Фелдстайна в пользу снижения налога на прирост капитала и акцент на стимулирование производства для поддержания экономической активности сделали его одним из первых сторонников экономической теории стимулирования производства, как писал он, «пожалуй, еще до того, как этот термин был придуман бывшим председателем СЭК Хербом Стайном, и, конечно же, до того, как этот термин услышал я».

В Совете

Учитывая характер работы Фелдстайна, неудивительно, что президент США Рональд Рейган предложил ему стать председателем Совета экономических консультантов, когда эта должность освободилась в 1982 году. Хотя Фелдстайн поддерживал проводимое Рейганом снижение налогов, он не поверил утверждениям многих советников президента о том, что

это снижение налогов будет самоокупаемым. По словам Фелдстайна, он «не сомневался в том, что снижение некоторых налогов, таких как налог на прирост капитала или подоходных налогов в самой высокой категории доходов, приведет к росту поступлений. Однако допуская натяжку в этой идеи за счет предположения о самоокупаемости любого налога, экстремисты теории стимулирования производства в целом подрывали репутацию этой теории».

Как следствие, во время своего пребывания на посту председателя СЭК Фелдстайн часто предупреждал о необходимости контролировать растущий дефицит бюджета США. В марте 1984 года на обложке журнала *“Time”* была опубликована фотография Фелдстайна под заголовком: «Этот чудовищный дефицит: экономическая черная дыра Америки». В год накануне выборов предупреждения Фелдстайна, по-видимому, стали вызывать раздражение у некоторых должностных лиц в администрации Рейгана, и они открыто выразили свое неудовольствие.

Поэтому, когда летом 1984 года Фелдстайн оставил пост в СЭК, средства массовой информации были готовы объяснить его уход разногласиями с администрацией по вопросам налогово-бюджетной политики. «Разумеется, некоторые в администрации были раздражены и недовольны тем, что я без конца твердил о необходимости контролировать дефицит бюджета», — признает Фелдстайн. Но он отмечает предположение о том, что его выставили из Вашингтона; как он сообщил редакции *«Финансов & развития»*, более важными причинами были «два фактора притяжения», побуждавшие его вернуться в Кембридж. Первым была «жесткая политика» Гарварда, согласно которой отпуск профессорам предоставлялся не более чем на два года. Вторым было его желание вернуться на пост главы НБЭИ, где начатые им в 1977 году преобразования начинали приносить плоды.

Фелдстайн подчеркивает, что его разногласия в Вашингтоне не были разногласиями с президентом Рейганом. «Президент имел твердые взгляды, но работать для него всегда было очень приятно. Я объяснял ему свои взгляды на дефицит бюджета. Я даже передал ему экземпляр своей типовой речи на эту тему и получил его одобрение, так что в действительности с президентом проблем у меня не было». Фелдстайн указывает также, что «хотя в речах Рейгана всегда подчеркивалось его отрицательное отношение к повышению налогов, он нехотя согласился на повышение ряда налогов» в период с 1982 по 1984 год, «поскольку ему не нравился угрожающий дефицит бюджета».

По словам Фелдстайна, его также восхищала способность президента Рейгана не отвлекаться от главного и принимать правильные решения по важным вопросам. Например, в борьбе с инфляцией Фелдстайн ставит Рейгану в заслугу то, что он «принял правильное решение, повторно назначив Пола Волкера» председателем Федеральной резервной системы. «Рейган обладал прекрасной способностью найти правильные ответы на вопросы, требовавшие кратких решений», — заключает Фелдстайн с видом профессора с многолетним стажем, ставшего оценку студенту (см. вставку).

В Бюро

У НБЭИ было славное прошлое. Созданное в 1920-е годы, оно всегда привлекало самых знаменитых представителей профессии, таких как Саймон Кузнец, Милтон Фридман и Уэсли Митчелл. Однако к тому времени, когда Фелдстайн вступил на пост президента НБЭИ, было ясно, что это учреждение знало лучшие времена. Фелдстайн возродил его, собрав вместе экономистов, работавших в одной сфере эмпирических исследований под эгидой программы НБЭИ, в рамках

Преподавание Эк10

Курс, с которым наиболее тесно связано имя Фелдстайна в Гарварде, называется «Эк10». Это вводный курс по экономике продолжительностью два семестра, который привлекает более 600 студентов и относится к самым популярным в Гарварде. Это обязательный предмет для студентов, которые намерены специализироваться по экономике, самой популярной специальности в Гарварде.

В марте прошлого года вокруг «Эк10» возникла полемика, когда члены группы, называющей себя «Студенты за гуманную и ответственную экономику», распространили петицию, в которой утверждалось, что этот курс не дает представления о разнообразии взглядов в этой дисциплине. Другие, в том числе многие студенты, встали на его защиту. Хотя ни для кого не секрет, что Фелдстайн твердо придерживается правых взглядов, известно и то, что он дает возможность высказывать и другие точки зрения. «Он очень поддерживает тех, кто не согласен с ним по идеологическим вопросам, тех, кто придерживается более левых взглядов. По существу, он честный интеллектуал», — говорит Роберт Рейх, министр труда в администрации президента США Билла Клинтона.

В ответ на полемику отдел базового учебного плана Гарварда разрешил одному из коллег Фелдстайна, профессору Стивену Марглину, вести новый вводный курс по экономике продолжительностью один семестр. Число зарегистрировавшихся на курс Фелдстайна «Эк10» прошлой осенью сократилось примерно на 85 студентов по сравнению с предыдущим годом, что почти точно совпадает с числом студентов, записавшихся на курс Марглина. Пока что Фелдстайн, по-видимому, не обеспокоен уменьшением числа слушателей «Эк10»; он считает, что это уменьшение отчасти объясняется желанием студентов «отделяться» от экономики за один семестр.

которой они могли регулярно общаться два или три раза в год. «Исследователи славятся независимостью мышления; я должен был понимать это, поскольку сам занимаюсь наукой», — говорит Фелдстайн, посмеиваясь. Поэтому ему необходимо было заверить их в том, что «никто не собирается указывать вам, что делать... Мы только приглашаем вас на встречи, на которых вы услышите о работе других и получите отклики на свою работу». Но после того, как он набрал «ядро, состоящее из очень хороших специалистов», чтобы возглавить пять первоначально сформированных им программ НБЭИ, экономистов стало легче уговорить присоединиться к Бюро.

В настоящее время НБЭИ представляет собой элитную и беспристрастную с точки зрения партийной принадлежности группу в составе примерно 500 экономистов, которые выпускают большую часть своих трудов в виде рабочих документов НБЭИ. Фелдстайн говорит, что именно для обеспечения беспристрастности одним из его «первых мероприятий» было закрытие отделения НБЭИ в Вашингтоне. Я хотел, чтобы Бюро было несколько более обособленным, чем средний аналитический центр, и работало над вопросами, имеющими отношение к экономической политике, но не отставало конкретные меры политики». В результате, по словам Фелдстайна, «опытные ученые НБЭИ стали играть ключевые роли в Вашингтоне, независимо от того, какая партия стоит у власти. Не думаю, что какой-либо другой аналитический центр может сказать то же самое».

В ответ на просьбу подвести итоги достижений НБЭИ под его руководством, Фелдстайн скромно отвечает, что, по его мнению, «Бюро поощряет ученых проводить больше эмпирических исследований, чем они проводили бы в отсутствие этого учреждения». Другие дают гораздо более похвальные отзывы. Аллан Крюгер, профессор Принстонского университета,

работавший когда-то в администрации Клинтона, отмечает: «Строится множество предположений о Федеральной резервной системе после Гринспена. Для экономической специальности намного важнее, каким будет НБЭИ после Фелдстайна».

«Когда мне исполнится 64...»

Фелдстайн отнюдь не подает никаких признаков того, что он хочет уйти на пенсию или снизить темп жизни. Приближаясь к 65-летнему возрасту, Фелдстайн продолжает работать над многими проблемами, включая влияние программ социального обеспечения и здравоохранения, которыми он интересовался с первых дней своей исследовательской работы в Оксфорде и Гарварде. При том, что наибольший интерес у него вызывает внутренняя экономическая политика США, с годами он стал также большим знатоком международных вопросов. Во время финансового кризиса в Азии в 1997–1998 годах он резко критиковал деятельность МВФ. Он упрекал МВФ за применение к случаю Азии «старых мер экономической политики, разработанных для других проблем». Фелдстайн утверждал, что традиционный рецепт МВФ — «девальвация и дефляция» — не подходил странам со значительным долгом, деноминированном в иностранных валютах. Девальвация автоматически приводила к дефляции спроса, повышая стоимость международного долга; дальнейшая дефляция спроса посредством жесткой денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики вызывала, по его мнению, «ненужные страдания и ущерб на ранней стадии кризиса». Фелдстайн не одобрял и то, что МВФ настаивал на структурных реформах как условии предоставления кредитов. Он считал, что такие реформы не имеют решающего значения для преодоления кризиса и посягают на национальный суверенитет.

Всеобщее внимание привлекли также взгляды Фелдстайна на перспективы евро, введение которого он охарактеризовал как «в лучшем случае мероприятием неопределенного достоинства» и «дорогостоящим средством достижения политического союза». Выступая на праздновании первой годовщины новой валюты в начале 2000 года, он предсказал, что евро отрицательно повлияет на занятость и инфляцию в Европе и усугубит политические конфликты внутри Европы и между Европой и Соединенными Штатами. На вопрос «Финансов & развития» о том, изменили ли прошедшие четыре года и повышение курса евро его точку зрения относительно европейской валюты, Фелдстайн ответил: «Вовсе нет. Проблемы, которые, как я полагаю, начнутся на периферии системы, скажем, в Испании или Португалии, возникли в центре — в Германии и Франции».

Работает ли он над какими-либо новыми темами? Как и подобает ученыму, исследования которого всегда касались злободневных вопросов государственной экономической политики, Фелдстайн говорит: «Я размышляю над экономикой национальной безопасности». Он добавляет, что, готовясь к получению степени бакалавра в Гарварде, он работал с известным экономистом Томасом Шеллингом, одним из немногих ученых, написавших целый ряд трудов по экономике мира и обороны. «Теперь я возвращаюсь ко всем этим проблемам с новыми идеями, новыми данными, новыми методами...», — говорит он, жестикулируя, пожалуй, в первый раз за время интервью, и лицо его сияет в предвкушении этой работы. ■

Пракаш Лунгани — помощник директора Департамента внешних связей МВФ.